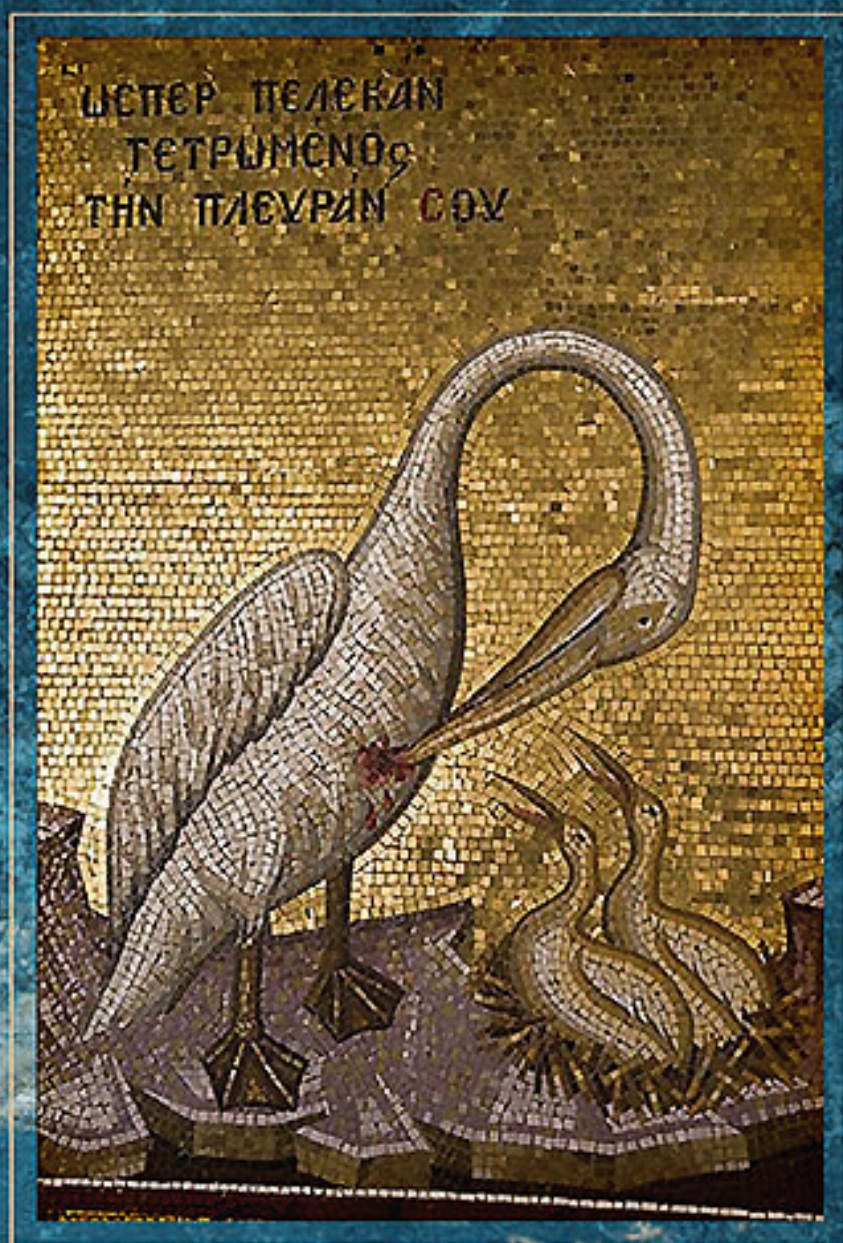

Игумен Нектарий (Морозов)

КАК БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ВСЕГДА

ДОЛГ ЛЮБВИ

игумен Нектарий Морозов

**Долг любви. Как быть
христианином всегда?**

Фонд «Традиция»

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

Морозов и.

Долг любви. Как быть христианином всегда? / и. Морозов —
Фонд «Традиция»,

ISBN 978-5-00152-008-5

Книга игумена Нектария (Морозова) освещает основные вопросы духовной жизни современного православного христианина. Какова роль духовника в жизни христианина, как научиться принимать правильные решения и нести за них ответственность, нужно ли подавлять свои эмоции, как пережить охлаждение в вере и обрести себя, можно ли дружить со святыми, для чего нужны искушения, почему важна молитва, зачем мы пришли в этот мир — всё это и многое другое вы узнаете из книги. Автор подробно рассматривает главные проблемы и опасности на пути духовного возрастания и даёт практические советы в их разрешении.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-00152-008-5

© Морозов и.
© Фонд «Традиция»

Содержание

Глава 1	6
О христианском служении	6
О «нецерковном» в жизни христианина	12
О недостатках церковной жизни	15
О лжепастырях и пастырских заблуждениях	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игумен Нектарий (Морозов)
Долг любви. Как быть
христианином всегда?
Сборник статей

© Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019

Глава 1

Церковь – это Мы. Христианин в XXI веке

О христианском служении

Мы живём в такое время, когда христианская жизнь – жизнь церковная, жизнь приходской общины – строится по не совсем естественному образцу. Если мы обратимся к тому времени, когда формировалась первая в подлинном смысле этого слова христианская община, то есть ко временам евангельским, то увидим, как она складывалась. Вот перед нами апостол Андрей Первозванный, который фактически первым из будущих учеников узнал Христа, – и он идёт и зовет одного, другого, третьего. Мы слышим историю о том, как он находит брата своего Симона и говорит ему: *«Мы нашли Мессию»* (Ин 1, 41) и ведёт его ко Христу. А потом Господь призывает Филиппа, а тот находит Нафанаила и в ответ на его сомнения убеждает: *«Пойди и посмотри»* (Ин 1, 46). Точно так же, как можно понять, происходило и в дальнейшем образование общины учеников Христовых.

То есть изначально, в первые столетия жизни Церкви, всё было совсем не так, как в наше время, когда стоит некий храм, в нём совершается богослужение, и туда приходят помолиться те, кого мы называем прихожанами. Для христианской жизни неестественно, что люди, составляющие собой общину, всё остальное время, кроме богослужения, находятся не только вне этого конкретного храма, но и вне самой общины как таковой. *Все же верующие были вместе и имели всё общее* (Деян 2, 44)... Конечно, сейчас уже не идёт речи о том, чтобы члены одного прихода объединяли всё свое имущество. Но это должны быть люди, которые, по крайней мере, хорошо друг друга знают, у которых общие интересы и в той или иной степени общая жизнь.

Смысл не только в том, чтобы помогать друг другу, участвовать в судьбах нуждающихся, – это должна быть действительно некая единая большая семья.

В идеале такой семьей должен быть не только один приход, но и вся Церковь Христова, но в реальности мы видим, что даже на уровне храма это либо не совсем получается, либо не получается совсем. Поэтому любому священнику, настоятелю приходится думать о том, каким образом сформировать хотя бы ядро этой общины, собрать вокруг себя «учеников, которые пришли первыми», чтобы уже они – подобно тому, как это совершалось в первые века – приводили за собой в храм других людей и помогали им войти в церковную жизнь.

Как возникает такое ядро? По мере того как появляются люди, понимающие, что жизнь храма – это дело, безусловно, не только лишь настоятеля, духовенства, людей, которые в этом храме работают, но и каждого из тех, кто воспринимает этот храм как свой приход. Эти люди, объединяясь в храме, начинают что-то для его жизни делать, и с этого начинается формирование общины.

Каковы могут быть формы служения Богу через служение храму, через служение на приходе? Они могут быть очень разнообразными, но прежде всего, наверное, нужно говорить о том, что

каждый христианин – и особенно тот, кто уже является членом церковной общины – должен быть в самом простом, самом элементарном смысле этого слова апостолом.

Само значение слова «апостол» – «посланный», то есть фактически каждый из нас, выходя из храма, принимает на себя роль человека, которого Церковь посылает для того, чтобы он ходил и улавливал для Христа человеческие души.

Как это происходит практически? Весьма разнообразно. Дело в том, что христианин никогда не должен быть христианином только лишь для самого себя или только лишь в храме, только лишь дома – каждый из нас должен быть христианином во всей своей жизни. И совершенно естественно, что если мы являемся христианами везде и всегда, то как мы думаем в любых обстоятельствах о спасении своей собственной души, так и не можем не думать о спасении тех людей, которые нас окружают.

Я очень люблю книгу писателя Торнтона Уайлдера, которая называется «Небо – моя обитель». Это история одного достаточно ревностного, но, как бы мы сказали, экзальтированного и восторженного протестанта, который пытался обратить в свою веру вообще всех людей, с которыми он сталкивался. При этом он так прямо и непримиримо обличал все пороки, которые открывались его взору, все недостатки общества, которые становились для него очевидны в тех или иных обстоятельствах, что регулярно оказывался то в полиции, то на больничной койке, то где-то ещё, и даже претерпел кризис своей веры и от неё отказался, но потом опять вернулся. Это очень интересное и душеполезное, на мой взгляд, чтение, которое, с одной стороны, рассказывает, как не надо миссионерствовать, а с другой – показывает, какой у человека должен быть настрой, потому что настрой у героя этой книги, как мне кажется, был всё же правильным: ошибочными была методология, способы проповеди.

Безусловно, мы не должны бросаться на каждого человека, которого Господь поставил рядом с нами; безусловно, мы не должны обличать во всеуслышание чьи-то пороки и недостатки, потому что нам этого никто не поручал. Но тем не менее мы в своей жизни постоянно сталкиваемся с ситуациями, в которых до того или иного человека слово о Боге можно донести. Для этого просто нужно быть чутким, внимательным, добрым и равнодушным человеком – и наше сердце нам подскажет, что и кому о Христе можно сказать. При этом, начиная разговор, мы должны определить для себя какую-то меру, которой будем придерживаться, – подобно тому как собираясь кормить маленького ребёнка, примерно представляем, какое количество пищи ему необходимо дать. Собственно говоря, ребёнок и сам нам подскажет: начнёт отворачиваться и перестанет пищу принимать. Точно так же можно уловить и тот момент, когда начнёт внутренне отворачиваться и перестанет принимать духовную пищу собеседник – и тогда

надо тотчас же останавливаться. Даже лучше поступать так: давать человеку совсем немного и смотреть, потянется ли он за продолжением. Если не потянется, наверное, уже больше говорить и не нужно. Господь не напрасно уподобляет слово о вечной жизни бисеру: бисер – это нечто ценное, и ощущение этой ценности должно присутствовать и у нас самих, и людям, которые нас слушают, мы должны его передавать.

Это то, что касается миссии внешней. Но помимо этого есть некая миссия внутренняя – которая, по большому счёту, есть в миниатюре жизнь окружающего нас мира. Фактически в храм постоянно приходят те же самые люди, с которыми мы сталкиваемся в окружающей нас жизни, то есть совсем ещё далекие от воцерковления. И, безусловно, они нуждаются в нашей помощи. Бывает, что эту помощь, совет они могут получить сразу же, в свечной лавке, но в праздники, когда идёт поток людей, времени на то, чтобы сориентировать человека, куда ему двигаться дальше, как ему помолиться, как ему найти священника, у сотрудников свечного ящика не оказывается, и человек остается потерянным. И здесь как раз очень нужно, чтобы в качестве миссионеров проявляли себя члены прихода. Мне очень нравится идея миссионерских постов у дверей храма, потому что нередко человек и до свечного ящика не доходит: он заходит в храм, видит перед собой скопление людей, а порой ещё и нескольких священников, возглашающих что-то на полиелее, пугается, смущается, разворачивается обратно и из храма сбегает. И очень нужно бывает, чтобы кто-то его поймал и сказал: «Ничего страшного тут нет. А что Вы хотели?». Кому-то это может показаться смешным, но на самом деле таким образом для Церкви будет сохранено очень значительное количество людей.

Или другой момент. Каждый раз, когда священник исповедует человека, впервые решившего причаститься, он должен объяснить ему целый ряд вещей. И здесь огромной помощью бывает, если поодаль во время исповеди стоят два-три человека из постоянных прихожан, так что священник их видит и может позвать к себе и перепоручить им этого человека, чтобы они ему всё рассказали о том, как будет проходить причастие и как нужно к нему приступать, и на следующее утро, возможно, встретили и проводили к Чаше. А может быть, кто-то из прихожан даже возьмет на первых порах своего рода шефство над этим новоначальным, поможет ему разобраться в основах христианской жизни, в богослужении. И это тоже приближает нас к христианам древности, потому что тогда не просто каждого человека кто-то приводил, но и

кто-то – как правило, тот, кто его привел – осуществлял по отношению к нему определённое служение, пока тот не утверждался в новой своей жизни и не становился уже полностью самостоятельным членом общины.

Когда мы обо всем этом говорим, возникает естественный вопрос о том, каким образом нам к такому миссионерскому служению – как внутри прихода, так и за его пределами – готовиться. Безусловно, если мы хотим с кем-то говорить о Христе, кому-то рассказывать о вере и о жизни христианской, мы должны многое об этой жизни знать. Наши собственных ощущений, переживаний и даже нашего собственного опыта здесь недостаточно – это должно быть именно знание. Знание Священного Писания Ветхого и Нового Завета, знание истории Церкви, знание в основных, но тем не менее ясных чертах православного вероучения. Наверное, самый эффективный способ всё это приобрести – это прослушать хотя бы годовой курс в воскресной школе для взрослых. Такие школы сейчас есть при многих храмах, но вот беда: процент людей, которые посещают их, достаточно невелик. И это, на мой взгляд, обусловлено не столько недостатком времени или сил, сколько непониманием, зачем это нужно – неким неведением о том, каким может и должно быть полноценное участие человека в жизни Церкви. Если же возможности посещать воскресную школу действительно нет, нужно в максимально возможной степени выстроить для себя этот процесс обучения по книгам. В библиотеке взрослого воцерковляющегося человека должны быть Закон Божий, толкование на Священное Писание, хотя бы самые простые учебники по догматике, литургике, церковной истории. Очень хорошо для приходской жизни в целом, если прихожане, хотя бы некоторые, берут на себя труд более основательно изучить церковный устав: чем больше молящихся на службе людей знают богослужение, не говоря уж о том, что могут читать и петь на клиросе, тем крепче, живее такой приход. К слову, благодаря таким людям, хорошо знавшим суточный круг богослужения, Церковь в нашей стране сохранялась в совсем недавний исторический период гонений: священник вместе с несколькими верующими или даже сами верующие мирским чином могли совершать богослужение в любом приспособленном или даже совершенно не приспособленном для этого месте. Думаю, что если сейчас нас какие-то гонения рассеют, что-то произойдёт, и мы не сможем собираться в храмах, таких людей, богослужение знающих, почти не окажется, и большинство верующих будут встречаться в лучшем случае для того, чтобы почитать вместе акафисты и Псалтирь. Поэтому, пока нам Господь даёт такую возможность, нужно приобретать эти знания.

Однако человек, который говорит с другими людьми о вере и о Христе, должен обладать не только знаниями, но и определёнными душевными качествами. И прежде всего он должен быть человеком деликатным. Если врач, который касается тела, должен руководствоваться принципом «не навреди», то для миссионера, который касается души, этот принцип должен тем более быть незыблемым. Нужно иметь в виду, что порой человек приходит в храм в настолько обнаженном, настолько уязвимом состоянии, что даже то, что мы предлагаем ему как помощь, как совет, воспринимает как обличение. Поэтому деликатность, аккуратность в общении обязательно нужно в себе воспитывать.

Говоря о миссионерском служении, нельзя не сказать особо о такой важнейшей его части, как служение в семье. Практически у всех людей, которые приходят в храм, остаются неверующие родные, близкие, и общение с ними является школой миссионерства для каждого из нас. Все мы так или иначе заботимся о том, чтобы наши близкие обратились ко Христу – и все волей-неволей совершаем в этом общении ошибки. Причем в семье этих ошибок бывает гораздо больше, чем в общении с людьми внешними, случайными. Почему? Потому что одно дело – соприкоснуться в отдельной ситуации и попытаться донести до человека слово о Боге, и другое дело – находиться постоянно рядом: в какой-то момент мы можем не сдержаться, в какой-то – сказать лишнее, когда-то начнем обличать вместо того, чтобы утешить, а иногда и разругаемся, не выдержав того, что близким нам человеком, как нам кажется, хулится

вера Христова. Из всех этих ошибок необходимо обязательно извлекать для себя определённые уроки. Нужно учиться близким помогать, а не вредить, учиться не быть нетерпимыми, жесткими и не проповедовать свою веру так, чтобы людей этой проповедью только лишь ещё больше от Церкви отворачивать.

Самый лучший вид домашней проповеди – это наше изменение к лучшему.

Практически всегда, какими бы по складу людьми мы ни были, у наших близких есть к нам некоторый набор претензий. И когда они видят, что нечто, доставляющее им дискомфорт, уязвляющее их, начинает из нашей жизни исчезать, то у них обязательно возникает вопрос: почему это произошло? И естественный ответ на этот вопрос – потому что мы стали христианами. И первое, главное, с чего мы должны начинать, чтобы такие изменения произошли и мы со своими близкими ещё больше сблизились – это смирение. Гордость создает вокруг человека огромное пространство, в которое невозможно войти, с таким человеком всегда тесно. А когда человек смиряется, с ним становится просторнее, легче, появляется, где дышать, где двигаться во взаимоотношениях, и это всегда, на самом деле, привлекает. Вообще никто и ничто так не привлекает людей к Богу, как человек смиренный.

Те уроки, которые мы извлекаем в кругу родных и близких, нужно обязательно переносить на среду людей, которых мы только-только узнаём. Мы всегда должны быть готовы спросить, можем ли чем-то помочь, готовы что-то подсказать. Но, повторюсь, никакой назойливости, никакой настойчивости быть ни в коем случае не должно. Как только мы затронули с человеком – не важно, близким или не близким – тему Церкви и видим, что это вызывает отторжение, нужно тотчас же оставить его в покое. Вполне возможно, что через пять минут, убедившись, что с нашей стороны нет никакого насилия, он сам тронет нас за рукав и о чём-то в продолжение этой темы спросит.

Христианину, призванному к служению апостольскому, очень важно трезво относиться к себе. Иными словами, нужно задавать себе вопрос: «Какой я человек?» и честно отвечать на него: насколько мне присуща деликатность, насколько я наделён или не наделён даром слова, насколько мне удастся донести до людей ту или иную истину. Тогда мы сможем задать себе другой вопрос: «Какова моя мера?». Для одного человека мера будет заключаться в том, чтобы помочь другому человеку, ищущему Бога, разобраться в основах православной веры; для кого-то она заключается в том, чтобы рассказать новонаначальному о подготовке к Таинствам Исповеди и Причащения, а кому-то и этого делать не стоит, и нужно только помочь человеку прийти в храм и, условно говоря, довести его до священника, который сам ответит на его вопросы. Стоит сказать, что эта мера во многом зависит от нашего духовного состояния: если человек перестаёт жить полноценной церковной жизнью, то начинает ощущать, что и с людьми ему поделиться в христианском плане стало нечем.

Очень важно смотреть не только на свою меру, но и на тот плод, который приносит наше общение с людьми. Если мы видим, что результат наших миссионерских попыток – это неустройство, раздор, значит, это значит, что мы всё делаем не так. Нужно рассказать об этом духовнику и постараться вместе с ним как-то начать выправлять те пути, которыми мы пользуемся, когда с людьми сблизаемся, когда к ним ищем подход. Если же мы видим, что плоды наших отношений с людьми – добрые, что нам удалось кому-то помочь начать жить церковной жизнью, понять эту жизнь, это, с одной стороны, безусловно, повод для радости, а с другой – для того, чтобы усилить внимание к себе, не возгордиться, не начать тщеславиться этим. Нужно помнить и о том, что каждый человек, который по долгу своего христианского служения помогает людям, обязательно терпит за это те или иные искушения. И тем больше будут эти искушения, чем больше будет в нас тщеславия и ощущения того, что мы всё это делаем своими силами. Если же у нас есть понимание того, что это действует Господь, а наше участие

самое минимальное, и это понимание искренне, благодать Божия покрывает нас за это смиренное о себе мудрование. Однако бояться искушений не надо – нужно просто использовать их для своего усовершенствования в христианской жизни и как смиряющие обстоятельства.

Ещё одно очень важное качество, необходимое для христианского служения, – это постоянство. По своему священническому опыту могу сказать шире – постоянство и надёжность человека. Нередко бывает так, что я как настоятель храма встречаюсь с теми или иными людьми, мы говорим о каком-то конкретном деле, я вижу, что люди эти обрадованы, воодушевлены. Но вот доходит дело до вопроса: что готов делать каждый из вас, какую часть работы готов на себя взять? И выясняется, что каждый сердцем поддерживает то, о чем мы говорили, но конкретное участие принимать в этом не готов. Во многом так происходит оттого, что человеку кажется: ему это не по силам. Но дело в том, что не по силам ни от кого ничего не требуется. Ведь каждому предлагается определить меру своего участия; это может быть участие на 100 %, на 50 %, на 10 %, но тем не менее это какой-то вклад в общее дело и из этого что-то может сложиться. Только очень важно, определив в самом начале, что вы можете делать, потом этого делать не переставать, потому что если вы бросили свою небольшую долю, ещё кто-то бросил, то несколькими оставшимися людям, которые и так делают максимум возможного для себя, нужно будет нести уже совершенно превосходящую их силы ношу. И как правило, они с ней уже никуда уйти не могут: они сначала стоят под ней, потом сгибаются, а потом она их ломает. Поэтому, приступая к какому-то послушанию, какого-то рода служению, нужно помнить, что от нас в нём потребуются постоянство. Необходимо рассчитывать свои силы, и начинать лучше с малого, а потом постепенно переходить к большему.

В завершение хотелось бы сказать, что у каждого человека есть какие-то способности, возможности, жизненный опыт, которыми он может послужить Богу в Церкви. Вы и сами, наверное, видите, приходя в храм, как много помощи и участия самого разного рода в храме требуется. Кто-то читает на клиросе, кто-то помогает пономарить, кто-то остается после службы, чтобы помочь убраться в храме перед большим праздником, кто-то помогает в отделочных работах, кто-то выкладывает новости на интернет-сайт, кто-то навещает немощных уже по возрасту прихожанок на дому, в больнице... Для всего этого время и место в храме всегда будет оставаться, в нём не бывает «лишних» людей. Единственное, что необходимо и что всех объединяет – желание участвовать в этой общей жизни и воспринимать храм как «своё», родное, как второй дом. И для таких людей храм действительно «своим» становится.

О «нецерковном» в жизни христианина

До своего прихода в Церковь человек, как правило, живёт, ориентируясь в большей степени на то, что доставляет ему удовольствие – выгодно для него, приятно ему. Спектр его увлечений может быть очень широким – от каких-то вполне невинных занятий до совершенно порочного времяпрепровождения. Когда же человек приходит в Церковь, то совершенно естественно, что в ходе воцерковления происходит переоценка всей прежней жизни, и человек начинает отсекаать от себя то, чего в его новой, христианской жизни, быть уже не должно. Во времена первых христиан люди, готовившиеся к Крещению, сжигали колдовские книги, с которыми они прожили значительную часть своей жизни; подобное порой происходит и сейчас – человек отказывается от ночных клубов, от употребления алкоголя в неумеренном количестве, от какого-то явно греховного способа заработка. Всё это, безусловно, и оправдано, и необходимо.

Но бывает так, что человек, переступив порог храма, начинает отказываться и от того, что, по большому счёту, не является чем-то страшным, греховным, но оказывается в его сознании совершенно несопоставимым с его новой жизнью в Церкви. Это, к примеру, отказ от «светской» литературы, кинематографа, от занятий спортом, каких-то хобби. Безусловно, и в этом человек волен, но к чему это нередко приводит на практике? К тому, что в жизни такого прихожанина образуется огромный вакуум, потому что из его жизни ушли все те интересы, которыми он жил прежде, а взобраться буквально одним рывком на вершину, где всё его существование наполнит жизнь с Богом, он не готов. Зачастую в результате всего этого разрушаются и его социальные связи, поскольку отвергается всё то, что прежде было темой разговоров, областью совместной деятельности с людьми, составлявшими круг его общения. То есть

человек, придя в храм, сперва как-то очень быстро и сознательно разрушает всю ту жизненную базу, которая у него была, а потом оглядывается вокруг себя и не может понять, как ему дальше жить.

В чем здесь ошибка и о чем нужно помнить, чтобы её не совершать? Как говорят святые отцы, по отношению к нашему спасению всё, что нас окружает, делится на три категории: полезное, вредное и нейтральное. Совершенно очевидно, что вредное из своей жизни нужно удалять, полезное в ней должно присутствовать, – а вот нейтральное должно быть тем, к чему мы в той или иной степени обращаемся – в той степени, в которой оно нашу жизнь обогащает. Никто не говорит, что нужно взять и очистить свою жизнь от нейтрального. Безусловно, мы видим примеры жизни древних подвижников и знаем, что многие из них подвизались буквально среди голых скал, в пустыне. Но мы должны понимать, что туда приходили люди, подготовленные к тому, чтобы по этому пути восходить, а человек неподготовленный, не рассчитавший своих сил, там попросту погибнет. Можно провести такую аналогию: не все люди ходят в горы, а среди тех, кто ходит, кто-то занимается горным туризмом, а кто-то – альпинизмом, это совершенно разная степень напряжения и разные риски. Если это перенести на жизнь христианскую, можно сказать, что человек должен сначала привыкнуть к жизни на равнине, потом перейти к горному туризму, а потом уже, возможно, думать об альпинизме. Иначе можно просто в какой-то момент сорваться: когда человек сразу запрещает себе всё то, что в его состоянии, может быть, запрещать бы и не стоило, он как бы сжимает некую пружину, и эта пружина потом в какой-то момент со страшной силой распрямляется, и человек впадает в такие грехи, которых не совершал даже до прихода в храм. Такова бывает сила противодействия излишне жестким запретам, а вернее, соединение двух сил – собственно человеческой и бесовской, вражеской. Причем враг может даже подталкивать человека к чрезмерной ревности, понимая, что в конечном итоге его добрая христианская жизнь в этом недобром пламени сгорит.

Помню, как однажды, в самом начале 90-х, мне – тогда ещё новонаначальному христианину – довелось побывать на выборах членов приходского совета одного московского храма. Кандидаты в новый состав кратко рассказывали о себе, и один мужчина, перечисляя вехи своего воцерковления, говорил: «В таком-то году я пришел в храм, в таком-то – выбросил телевизор, в таком-то – избавился от библиотеки...». Оставалось только ещё книжный шкаф топором порубить... Для того времени и для того состояния церковной жизни это было довольно типично и даже как-то трогательно – такое кардинальное «отречение от телевизора» является характерной чертой неофитства, а неофитами тогда было абсолютное большинство наполнивших храмы людей. Но то, что с нами происходит в неофитстве, мы должны обязательно, став уже в полной мере церковными людьми, христианами, подвергнуть пересмотру. Не все неофитские привычки в нашей жизни останутся, не все они будут нам полезны. Это можно сравнить с костром: когда его разжигают, то используют различные жидкости для розжига, чтобы ни влага, ни ветер не затушили разгорающийся огонек, но когда костёр уже горит, никто не плещет туда горячее, потому что тогда дрова могут прогореть очень быстро и в результате огонь погаснет.

Так что не надо торопиться ни выкидывать телевизор, ни жечь библиотеку, ни раздавать знакомым свой «светский» гардероб или спортивный инвентарь – всё это уже не будет занимать прежнего места в нашей жизни, но ещё вполне может нам пригодиться.

О книгах, литературе в жизни христианина хотелось бы сказать особо. Бытует мнение, что человеку воцерковленному стоит ограничить круг своего чтения литературой аскетической. Но

если мы посмотрим на жизнь духовных писателей, самих авторов этих творений, то увидим, что их интерес распространялся на самые разные области знаний.

Если мы обратимся к житиям святителей Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, то от нас не скроется тот факт, что их учителями были языческие философы. Если возьмем святителей Феофана Затворника или Игнатия (Брянчанинова), то это тоже были люди широко образованные, разбиравшиеся и в искусстве, и в медицине, и в общественной жизни, и в современных проблемах как таковых. Или можно вспомнить, например, преподобного Нектария Оптинского, который уже в скиту прочитал практически всю библиотеку мировой литературы. Есть и много других примеров. И мы можем увидеть, что служение многих подвижников – особенно миссионерское – опиралось на их кругозор, на базу полученных прежде знаний.

Вы помните, наверное, евангельские слова о книжнике, который, будучи научен Царству Небесному, *подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое* (Мф 13, 52)? Вообще если у человека есть какая-то культурная, интеллектуальная база, это зачастую помогает ему избежать в своей христианской жизни многих ошибок, поскольку ему известен, скажем так, определённый набор прецедентов: в чём вообще ошибки человеческие заключаются, к чему они приводили и приводят. И для такого человека очень легко, естественно спросить себя: «Не ошибаюсь ли я?». Словом, культурный опыт человека являет собой некую вспомогательную конструкцию, которая не может быть вредна для него.

В том же начале 90-х часто звучал вопрос: «Может ли христианин читать стихи? Может быть, из поэзии стоит читать только Псалтирь?». Может быть, и я даже скажу, когда. Если Псалтирь стала для человека единственной поэзией, наполняющей его и улаждающей, то за томик стихов можно уже не браться. Но если мы просто по неразумию такой огромный пласт культуры, как поэзия, из своей жизни выкинули, ничто не мешает нам его вернуть обратно.

Могу сказать, что у меня в жизни есть целый ряд «светских» книг, которые мне дали колоссально много. Это, например, романы Торнтон Уайлдера – «День восьмой», «Мост

короля Людовика Святого», «К небу мой путь». Это произведения Грэма Грина, который был, безусловно, человеком весьма легкомысленным и даже порочным и всю жизнь от этого страдал. Это роман Артуро Переса-Реверте «Кожа для барабана, или Севильское причастие», который многие считают антиклерикальным, но при этом я убежден, что он может принести человеку верующему большую пользу. Вообще, необязательно читать только тех авторов, которые пишут о Церкви исключительно хорошо. Для меня, к примеру, стала открытием книга Уильяма Лобделла «Теряя веру», в которой автор, американский религиозный журналист, пишет о том, почему он не стал членом Католической Церкви, разочаровался в католицизме и потерял христианскую веру в принципе. Впрочем, я убеждён, что если вера у человека подлинная, её невозможно потерять оттого, что что-то в окружающем нас мире или в Церкви не так. Всё Евангелие говорит нам о том, что вокруг нас всегда всё будет не так, поскольку мы по-прежнему живём в том самом мире, который Христа распял.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что в этом мире невозможно знать всё, но тем не менее возможно овладеть механизмами узнавания всего. И эта универсальность мышления, универсальность познания должна быть христианину нашего времени, на мой взгляд, обязательно присуща. Это важно потому, что без этого трудно быть человеком сильным, трудно быть человеком мужественным и трудно быть человеком по-настоящему искусным. И в христианской жизни, и в жизни как таковой.

О недостатках церковной жизни

Очень часто бывает так, что когда собираются вместе верующие люди, их разговор так или иначе переходит на обсуждение того, что в Церкви не так. Причем сначала речь заходит о недостатках церковной жизни, её несовершенствах в целом, потом это плавно переходит в беседу о недостатках и несовершенствах знакомых церковных людей, а затем – в обсуждение несовершенств тех людей, которые лично говорящим не знакомы, но о которых они что-то слышали и читали. И, конечно же, возникает вопрос: почему именно недостатки, изъяны церковной жизни становятся такой излюбленной и постоянной темой общения православных христиан?

Прежде всего, нужно признать как факт, что в нашей современной церковной жизни недостатков действительно много. Однако не было такого исторического периода, когда бы их не было. Даже если мы откроем Деяния Апостолов, где показано самое лучшее, самое чистое, самое святое время в истории Церкви – время первых христиан, то найдём там и пример Анании и Сапфиры, которые обманным путем утаили часть своего имущества (см.: Деян 5, 1-11), пример Симона Волхва, пытавшегося купить апостольские дары за мзду (см.: Деян 8, 14-25). Наверняка были и иные примеры, и это говорит о том, что даже в древней Церкви, святость членов которой была явной, очевидной чертой, находились подчас люди совсем не совершенные. А если взять, допустим, такую книгу, как «Крестный путь Иоанна Златоуста», можно узнать много такого, о чем современный христианин зачастую даже не подозревает. Например, о гонениях внутри самой Церкви:

если мы откроем месяцеслов, то увидим в нем имена мучеников и даже священномучеников, пострадавших не от неверующих мучителей, а от братьев-христиан – за свою верность Златоусту и любовь к нему.

Всё это было, поэтому удивляться каким-то недостаткам и человеческим порокам в Церкви не стоит. Как и во все времена, есть в наше время и христиане, достигающие совершенства, и борющиеся с грехом, и подвластные греху люди. А есть и не только подвластные греху, но и возлюбившие грех и живущие греховой жизнью во всей её полноте. Таких людей в церковной жизни бывает очень легко заметить, и наше внимание привлекается к ним, – а вот людей, борющихся и побеждающих свои грехи, бывает заметно гораздо меньше, и потому намного реже обращается на них наш взор.

Таким образом, первая причина того, почему мы так часто говорим о недостатках церковной жизни, очевидна: этих недостатков действительно довольно много. Вторая же причина очень тесно с первой сопряжена: мы сами имеем огромное количество недостатков, и нас тянет поговорить о том, в чём мы чувствуем себя как рыба в воде. Говорить о добродетелях нам сложно, поскольку у нас с ними плохи дела; поддержать беседу, требующую глубокого и основательного знания богословских дисциплин, мы тоже не можем, а вот о недостатках – пожалуйста. При этом мы порой можем и преувеличивать, и видеть то, чего на самом деле нет: говоря о недостатках чужих, мы все хотим ощущать, что сами на этом фоне не так уж и плохи. Более того, у нас, как правило, есть оправдание для наших собственных недостатков, грехов, а чужие поступки мы судим по всей строгости. И в этом – ещё одно основание того, почему разговор, который должен огорчать наше сердце, бывает нам приятен.

Мне в жизни нередко приходилось встречать людей, которые на борьбу с тем, что в Церкви, с их точки зрения, не так, полагали буквально все свои силы, всё свое время. Как правило, это принимало форму борьбы с чем-то глобальным: с масонами, с мировым правительством, с новыми паспортами и прочее. И могу сказать, что все эти люди, помимо своих устремлений, имели одну общую черту: у них творилось не пойми что в их собственной жизни.

Никто из них, мягко говоря, не являл собой образ христианского подвижника, и очевидно, что им на самом деле было бы гораздо лучше направить эти усилия на борьбу с собственными грехами. Но чаще всего бывает именно так: человек живет, допустим, в гражданском браке и даже гражданской супруге умудряется изменять, не задерживается долго ни на одной работе, но при этом борется с наступлением враждебных внешних сил на православие и со всё более усиливающейся апостасией (вероотступничеством. – *Прим. ред.*) всех и вся.

У старца Паисия Святогорца есть замечательная мысль:

каждый человек, который видит в церковной жизни недостатки, должен озаботиться тем, чтобы исправить хотя бы крошечную частицу церковного тела – самого себя.

Ведь каждый из нас – это клеточка в теле Церкви, и клеточки эти точно так же связаны между собой, как и клетки человеческого организма, поэтому если человек исправляет себя, то он, безусловно, приносит огромную пользу всем тем, кто его окружает. Что касается борьбы с церковными недостатками на каком-то ином уровне, есть важное правило: обличать и исправлять недостатки церковной жизни может тот человек, которому предписано это его церковным послушанием и ответственностью за конкретную деятельность. Скажем, настоятель храма может и должен бороться с недостатками приходской жизни храма, ему вверенного; епископ – с проблемами церковной жизни на территории управляемой им епархии.

В том, что касается обсуждения и осуждения недостатков знакомых нам церковных людей, важно понять один момент. Есть такая расхожая фраза: верить можно только тому, что ты видел своими глазами и слышал своими ушами; но дело в том, что и уши, и глаза – тоже очень несовершенные инструменты познания, и когда мы видим что-либо, мы порою видим только какую-то часть. В психологии многократно в разных вариациях совершался эксперимент: на глазах у нескольких людей происходило одно и то же событие, потом их разводили по разным комнатам и просили рассказать о нём – и все рассказывали очень по-разному. Человек усваивает из увиденного только некую часть – то, что соответствует его восприятию. Поэтому, когда говорится что-то компрометирующее о людях в Церкви – будь то священники, будь то архиереи, будь то миряне, не стоит сразу же безоговорочно принимать услышанное на веру, поскольку мы чаще всего достоверно не знаем, так это или не так. Бывает даже, что кто-то, кому мы доверяем, рассказывает, что лично был свидетелем того или иного неблагоприятного поступка знакомого нам человека – а оказывается в конце концов, что он просто обознался, и это был другой человек, внешне похожий. А мы уже выразили свое возмущение какой-нибудь разговорчивой Марье Сергеевне и к тому же написали что-то по этому поводу в соцсетях. Мы для себя всё прояснили, но цепочка уже запущена, и вернуть доброе имя оклеветанному с нашим участием человеку бывает сложно.

Безусловно, есть вещи, которые доказываются вполне объективным образом, и мы узнаём о чем-то по-настоящему дурном, по-настоящему скорбном в церковной жизни и убеждаемся, что это действительно так. И опять-таки возникает вопрос: как к этому относиться? Думаю, что давать этому в своей жизни слишком много места было бы огромной ошибкой. По одной простой причине: ну вот есть чей-то недостаток, есть чей-то грех – что конкретно меняет это в жизни нашей? Это отменяет для нас необходимость жить по Евангелию? Или необходимость участия в Таинствах церковных? Или смягчает требования к нам нашей совести? Нет, не смягчает и ни в коем случае смягчать не должно. А раз от этого ничего не меняется в нашей жизни, зачем придавать этому большее значение, нежели оно для нас имеет?... Почему это есть в жизни чужой, как это вошло в жизнь чужую, мы не знаем. Не знаем, в какой момент человек надломился, надорвался, каким образом враг его уловил. Преподобный авва Дорофей говорит, что

когда ты видишь падение брата, вспомни, что ты не видел его подвига перед этим, не знаешь, каким образом он подвизался, сколько времени он страдал и с какою силою он боролся.

Может быть, он пал в такой борьбе, что Господь не будет его за это судить слишком строго. Как же ты, всего этого не зная, собираешься изречь суд об этом человеке?

Когда люди увлекаются обсуждением чужих пороков и преступлений, их этот процесс постепенно захватывает. И тогда вступает в действие закон духовной жизни, согласно которому человек, который кого-то за что-либо осудил, обязательно начнет грешить теми же самыми грехами. Запускается какая-то страшная цепная реакция: я помню, как прочитал однажды в письмах преподобного Макария Оптинского о его наблюдении: приходит молодой человек в монастырь, видит недостатки, которых в монастыре полно, начинает осуждать тех, кто этими недостатками обладает, – и спустя совсем короткое время становится одним из них. Однако если человек, напротив, все увиденные недостатки принимает как данность, не считает их чем-то страшным, чем-то недостойным, то он тоже эти недостатки приобретает, поскольку, так к ним относясь, не стремится не допустить их в себе. А верный, или, как говорят, царский путь опять-таки лежит посередине: с одной стороны – не осуждать, а с другой – понимать, что это действительно зло и в нашей собственной жизни такого быть не должно.

Многое из того, что пишется и говорится сегодня о нестроениях современной церковной жизни, представляет собой полуправду. А она зачастую хуже, чем явная ложь, потому что есть в ней какие-то моменты, которым веришь, но в целом всё совсем не так, а ты уже этим знанием заражён. И, безусловно, чем дальше, тем больше всего этого будет происходить. Нам нужно быть готовыми к тому, что обсуждения церковных недостатков вокруг нас всегда будут. И относиться к этому здраво, помня, что о недостатках знать надо по преимуществу с одной целью: чтобы избежать того, вреда, который можем потерпеть от них лично мы.

О лжепастырях и пастырских заблуждениях

Бывает так, что беседуешь с человеком, и он говорит: «Я слушал такие-то лекции и чувствовал, что они мне приносят пользу, а потом узнал о том, что, оказывается, этот батюшка очень сомнительных взглядов. Есть статьи, опровергающие в его речах такие-то моменты. Можно ли его слушать и читать?»

Как в этом всем разобраться? Если с книгами всё более-менее понятно, и мы вольны выбирать ту литературу, которая перед изданием была рассмотрена экспертами и получила церковный гриф, то лекции, проповеди, беседы, документальные фильмы, рассчитанные на верующих людей, которые в огромном количестве можно найти на YouTube и других ресурсах Интернета, никем не рецензируются. Поэтому нам самим нужно приобретать знания и опыт, позволяющие определить, преподает ли нам человек православное учение о спасении или пытается под видом его преподнести нечто, истинной и здоровой церковной жизни чуждое. И есть в связи с этим то, чему мы должны найти место в своей жизни, чтобы не подвергнуться заблуждениям.

Прежде всего, нужно правильно выбирать для себя круг чтения.

Когда человек хорошо знает Священное Писание Нового Завета, когда он вдумчиво прочел хотя бы одно фундаментальное толкование на Евангелие и понимает, как те или иные его фрагменты толкуются не произвольно, а в традиции Православной Церкви, ему уже трудно навязать какое-то иное видение.

Когда человек к тому же читает святых отцов, он не только становится обладателем определённого объёма информации, но и, безусловно, напитывается тем духом, в котором жили и которым питались эти отцы. И у него появляется навык к определению того, каким духом проникнуты писания, слова различных людей. Может быть, человек не сможет понять, что именно не так, но у него возникнет ощущение, что имеет место какая-то подмена, и он сможет уберечься от того вредного действия, которое на него эта книга или видеозапись могла оказать, и, возможно, предупредить других людей.

Другой важный момент заключается в том, чтобы отдавать себе отчет: священник – такой же человек, как и все люди, он равным счётом ничем от всех остальных христиан не отличается, кроме дара – и в то же время права и обязанности – совершать Таинства. Его человеческие ошибки, его земное несовершенство, его страсти и грехи никуда после рукоположения не исчезают. Естественно, священник призван к жизни максимально внимательной, ответственной, серьёзной. Естественно, что у него есть тот опыт, которого нет у людей, просто приходящих в храм, – то, что мы называем опытом пастырским. Безусловно, если священник служит искренне и понимает, что он является помощником в деле соединения со Христом для всех приходящих людей, то он может получить от Бога и какие-то ещё дары, которых у него первоначально не было. Он приобретает способность увидеть нечто сокрытое в собеседнике, у него появляется умение помочь другому человеку, направить его на путь исправления, он ощущает в своём сердце сострадание и любовь. Но, повторюсь, никаких принципиальных отличий между «просто христианином» и священником нет. И если священник, напротив, это отличие старательно подчеркивает, если он приводит его как некий железобетонный аргумент, отстаивая свою позицию, мы очевидно имеем дело с пастырством нездоровым.

И ещё: нужно всегда с большой осторожностью относиться к тем людям, которые вдруг появляются из ниоткуда и начинают говорить громче всех. Как только начинаются какие-то лозунги, как только проповедь становится похожей на речь с броневика, стоит остановиться и задуматься: что это за человек и почему он так говорит? Есть такая известная песня Алек-

сандра Галича, она начинается замечательными словами: «Не надо, люди, бояться». И этот автор, имеющий, несомненно, большой жизненный опыт, говорит о том, что бояться – а я бы сказал остерегаться – нужно только в одном случае: когда мы имеем дело с человеком, который с непоколебимой уверенностью говорит: «Идите, люди, за мной, я вас научу, как надо!». Священник в принципе, по предназначению своему не ведёт за собой – он помогает человеку прийти своим собственным путём ко Христу. Если же он поступает иначе, то, может быть, и не имеет дурных намерений, но он обязательно заблудится и, как следствие, заблудятся те, кто идёт вслед за ним.

Стоит помнить, что никто из тех подвижников, которые, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), имели помазание Духа, никаких речей с броневика не произносил. Ни для кого из них аудитория – тем более максимально широкая аудитория – не была самоцелью, причем нельзя сказать, что это были люди, обделённые даром слова. Они произносили проповеди, когда этого требовал их пастырский долг, и вкладывали в них глубокий смысл, но они не стремились стать заметнее других.

И конечно, если речь идёт о священнике, мы можем и должны поинтересоваться: в каком храме он является клириком или настоятелем, каков его приход, есть ли в этом приходе какая-то общая жизнь? Ведь конкретный храм, паства – это то, что вверено священнику непосредственно, это пространство, где наиболее зримо должны являться плоды его проповеди и пастырской деятельности. И если тот или иной проповедник и церковный деятель постоянно выступает в других городах и даже странах, если он пытается формировать некую виртуальную общину своих последователей, но при этом в своём храме не потрудился либо не смог создать полноценный, крепкий, дружный, деятельный приход или хотя бы все условия для того, чтобы он формировался, это, безусловно, ни о чем хорошем не говорит.

Кроме всего прочего, я бы посоветовал обращать внимание на то, что рассказывает такой человек о своей жизни. Люди, проповедующие какие-то сомнительные с духовной точки зрения вещи, нередко в своей биографии в чём-то лгут и, как следствие, путаются в её фактах. К примеру, в одном выступлении проповедник рассказывает, что подвизался на Афоне, а в другом – что в тот же самый период несколько раз был там в паломнических поездках. Стоит поинтересоваться, откуда вообще появился тот или иной «лектор», не принадлежал ли он когда-либо к каким-то сомнительным оккультным или деструктивным группам – если это имело место, то могло так или иначе отразиться на его взглядах. Если мы знаем, что священник не раз переходил из юрисдикции в юрисдикцию, это тоже должно явиться настораживающим фактором. Было ли это вызвано обстоятельствами жизни или весь жизненный путь этого человека – непрекращающиеся конфликты?

Ко всему этому нужно отнестись серьезно потому, что,

если говорить о жизни духовной, даже короткое время пребывания в заблуждении может очень сильно изуродовать душу человека.

Кто-то получает превратное представление о христианстве, которое ему трудно бывает изжить даже когда он живет уже нормальной церковной жизнью. А кто-то и вовсе приобретает стойкое отторжение от всего церковного, пережив такую ошибку. Полностью отрезвиться от заблуждений бывает достаточно трудно.

Как человек – священник и зачастую монах – становится на нездоровый проповеднический путь? Думаю, что здесь уместно вспомнить образ, который мы находим у преподобного Марка Подвижника: когда человек приобретает богословские знания, которые не подкреплены опытом, они становятся для него острым жезлом, который при попытке опереться лишь протыкает руку. Что-то подобное происходит и с теми современными публицистами, которые, получив некоторый – как им кажется, удовлетворительный – объем книжных знаний, считают это достаточным для того, чтобы начать богословствовать. При этом порой бывает так: человек

какое-то время очень активно публикуется, а потом – пропадает совсем. И оказывается, что он либо замолчал, переживая глубокий внутренний кризис, либо решил, что Церковь «слишком несовершенна» и удалился в раскол или в мир, либо впал в ересь и был запрещён в служении. Впрочем, не стоит смущаться, если нам чьи-то статьи и проповеди приносили пользу, мы находили их вполне соответствующими православному вероучению, а потом этот священник покинул лоно Церкви или создал вокруг себя некую сомнительную, на грани секты, группу последователей. Никто не знает, что будет с нами самими или с кем-то из окружающих завтра или послезавтра, никому из нас не гарантировано, что он никогда не падёт. И если мы посмотрим на историю Церкви, то увидим достаточно много церковных авторов, причем совершенно замечательных, которые впоследствии от Церкви отпали, уйдя в еретические заблуждения. К примеру, есть такой духовный писатель – авва Евагрий Понтийский. Многие из нас читали его «Сто глав о деятельной жизни», а между тем он был осужден на одном из Соборов как еретик. Это осуждение – спорный для историков момент, потому что ему подверглись некоторые его писания, но никто не знает, был ли он согласен с ними на момент своей смерти. Однако это наглядно показывает, что и такие вещи бывают и нет смысла подвергать забвению всё наследие того или иного автора.

Примерно то же самое можно сказать и о противоречиях. Порой люди очень пугаются, когда видят, что два церковных автора, которых они читают и глубоко воспринимают, в чём-то противоречат друг другу. На самом деле это не означает, что один из них – лжепастырь. Противоречия в церковной жизни присутствовали всегда. Более того, если совершенно никаких противоречий нет, это говорит о замирании жизни как таковой, её динамики. Весь вопрос в том, чего касаются эти противоречия. Если речь идёт о действительно христианских авторах, о главном они будут думать одинаково, а о частностях мыслить по-разному, притом отдавая себе отчет в том, что это действительно частности, и не пытаюсь поставить их во главу угла. В качестве примера можно привести святителя Феофана Затворника и святителя Игнатия (Брянчанинова) – в их трудах не трудно найти некоторые разногласия по вопросу о природе и существовании духов, и не только по этому поводу они друг с другом полемизировали, но и по ряду других. И вместе с тем это два замечательных угодника Божия, и перед нами не стоит вопроса о том, что сочинения одного из них более душеполезны, а другого – менее.

Однако всё это не исключает того, что у сегодняшних авторов могут быть действительно критичные противоречия как между собой, так и с мыслью святоотеческой. Не стоит абсолютизировать компетентность редакторов церковных изданий и многочисленных православных сайтов – порою и они совершают ошибки, публикуя нечто могущее ввести аудиторию в соблазн. Это отражает состояние нашего церковного общества в целом. И путь к преодолению этого для всех нас только один: быть как можно в большей степени не номинальными христианами, а реальными и живыми, наполненными не только представлениями, почерпнутыми из публицистических статей, но благодатью и духом евангельским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.